

- Виноградов Ю.Г., Щеглов А.Н. Образование территориального Херсонесского государства // Эллинизм: экономика, история и культура. — М., 1990.
- Виноградов Ю.Г., Золотарев М.И. Год рождения Херсонеса Таврического // Хсб. — 1998. — 9.
- Виноградов Ю.Г., Золотарев М.И. Херсонес изначальный // Древнейшие государства Восточной Европы. 1996—1997 гг. Северное Причерноморье в античности. Вопросы источниковедения. — М., 1999.
- Зубарь В.М. Некрополь Херсонеса Таврического I—IV вв. н. э. — К., 1982.
- Зубарь В.М. Херсонес Таврический в античную эпоху (экономика и социальные отношения). — К., 1993.
- Ковалевская Л.А. Керамические комплексы конца II — первой половины III вв. н. э. из раскопок виллы 341 // Хсб. — 1998. — 9.
- Крапивина В.В. Ольвия. Материальная культура I—IV вв. н. э. — К., 1993.
- Николаенко Г.М. Херсонесская округа в I в. до н. э. — IV в. н. э. (по материалам Гераклейского полуострова) // Античные древности Северного Причерноморья. — К., 1988.
- Николаенко Г.М. Хора Херсонеса Таврического. Земельный кадастр IV — III вв. до н. э. — Севастополь, 1999. — Ч. 1.
- Николаенко Г.М. Хора Херсонеса Таврического. Земельный кадастр IV—III вв. до н. э. — Севастополь, 2001. — Ч. 2.
- Созник В.В. Керамический комплекс римской эпохи из раскопок на Гераклейском полуострове // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. — Тезисы докладов. — Ростов н/Д, 1996.
- Сон Н.А. Тира римского времени. — К., 1993.
- Стржецкий С.Ф. Клеры Херсонеса Таврического. К истории древнего земледелия в Крыму // Хсб. — 1961. — 6.
- Суриков И.Е. О некоторых факторах колониционной политики Гераклеи Понтийской // Проблемы истории, филологии, культуры. — 2002. — Вып. 12.
- Saprikin S.J. Ancient Farms and Land-Plots on the Khora of Khersonesos Taurike (Research in the Herakleian Peninsula — 1974 — 1990). — Amsterdam, 1994.

Одержано 11.06.2005

Л.А. Ковалевская-Сарновская

Кленина Е.Ю. (при участии Созник В.В.). Керамические сосуды II—III вв. н. э. из усадьбы «Близнецы» (Хора Херсонеса Таврического).

Институт истории Университета им. А. Мицкевича. —
Roznan, 2004. — 113 с., 31 рис., 7 табл.

Начиная с конца 1970-х гг. и до настоящего времени ведутся активные археологические раскопки на территории ближней сельской округи Херсонеса, находящейся на Гераклейском полуострове. Только Г.М. Николаенко исследовано или частично исследовано около 20 усадеб (Николаенко 2002, с. 5). Но, к сожалению, керамическому материалу, как основной датирующей группе на сельских усадьбах до сих пор не уделяется должного внимания. И такие публикации, как вышедшая книга, очень важны, не только с точки зрения ознакомления с материалами раскопок, но прежде всего для дальнейшей работы с этим материалом.

Книга Е.Ю. Клениной начинается с Введения, содержащего краткую информацию о ближ-

ней хоре Херсонеса античного времени и историю исследования сельской усадьбы «Близнецы». Основная часть работы состоит из семи глав. Глава I посвящена описанию строительных остатков, стратиграфии и хронологии круглого помещения. Последующие шесть глав подробно характеризуют керамический материал, причем каждая из них соответствует определенной группе керамики. В заключении автор предлагает свою типологию круглых помещений на Гераклейском полуострове на основании результатов исследований всесторонне характеризировав круглое помещение и всю усадьбу в контексте исторической ситуации. В Приложении I итоги исследования керамического материала представлены в графической форме. Текст сопровождается рисунками и таблицами. Русский

© Л.А. КОВАЛЕВСКАЯ-САРНОВСКА, 2005

текст в более сжатом варианте переведен на польский и английский языки.

Позволим себе более подробно прокомментировать основные положения и итоги рецензируемой работы.

На с. 11 автор впервые употребляет по отношению к исследуемой сельской усадьбе на хоре Херсонеса термин «*villa rustica*», который далее повторяет несколько раз, и так уверенно, что этот термин входит в титул книги в польской и английской версиях. Данный вопрос уже освещался в научной литературе (Масленников 1998, с. 122—124). Хотим напомнить, что исследовано только одно помещение. В связи с этим возникает вопрос: знает ли автор, что так назывались фермерские поместья в провинциях Римской империи, способствующие широкому развитию рыночных отношений. Херсонес Таврический и в римское время оставался греческим городом с собственными вековыми традициями ведения сельского хозяйства, и о том, насколько эти устои были разными, свидетельствует отсутствие в греческом языке термина, соответствующего латинскому *villa rustica*. Поэтому целесообразнее было бы употребление греческого слова *oikia*, например: *oikia dipyrgia* или *oikia tetrapyrgia*. Тем более это логично, учитывая, что автор на с. 15 собственную типологию усадеб римского времени на Гераклеийском полуострове основывает именно на количестве башен. Кстати, было бы полезно, представляя подобную типологию, аргументировать ее хотя бы несколькими примерами усадеб, а главное указать, к какому типу принадлежит «*villa rustica* «Близнецы». По поводу выделенного II типа усадеб заметим: в римское время на ближней хоре Херсонеса нам не известно ни одной усадьбы (в смысле: фермы-поместья), которая была бы укреплена несколькими башнями (в смысле: *pyrgoi*, а не голубятни!).

В главе 1 охарактеризованы не только строительные остатки, стратиграфия и хронология круглого помещения, как задекларировано в названии, а вся площадь раскопа. В самом начале узнаем, что в вышеуказанном помещении «выявлено 2 строительных периода». Первый датируется I—II вв. н. э., второй заканчивается не позднее «сер. III в. н. э.» Уверены, что В.В. Созник, руководившая раскопками в 1988—1990 гг. и по итогам исследований написавшая три отчета и сообщение на конференцию (Созник 1988; 1989; 1990; 1996, с. 117—119), была бы крайне удивлена, так как в ее отчетах можно прочитать только об одном периоде существования помещения. Очевидно, автор должна была сделать акцент на разнице во мнениях. Уделяем этому факту много внимания, так как выделение периодов существования археологического памятника

— это основополагающий факт при описании керамических комплексов. Тем более что далее в тексте следуют совершенно хаотичные сведения: «к первому строительному периоду относится круглая постройка...», в которой «полы были земляные». «Сооружение было одноэтажным, вход шириной 1,00 м...». Во второй строительный период «круглое помещение было разделено пополам» стеной-перемычкой, «с внешней стороны уровень дневной поверхности повысился на 1,00—1,20 м, полы же внутри помещения остались на прежней высоте», «мощность земляных полов 0,15—0,17 м», «ниже этого уровня — скала». «Порог был поднят на 1,00 м выше уровня входа первого строительного периода». В связи с этим возникают следующие вопросы:

1. На основании каких данных выделен первый строительный период?

а) строительных остатков, а конкретно, повышения уровня порога? В своем отчете В.В. Созник предполагает повышение уровня порога на 0,20 м в юго-восточной половине башни, но при этом пишет: «Следует заметить, что других явных следов перестроек обнаружено не было. Данная же небольшая перестройка не связана ни в коей мере с другим строительным периодом, а была проведена во время функционирования постройки в римский период» (Созник 1990, с. 6).

б) Изучив чертежи отчета и сохранившиеся в натуре строительные остатки помещения, присоединяемся к мнению автора раскопок;

б) структуры полов и их количества? В.В. Созник не отмечает резкого изменения уровня пола: «...уровень пола постепенно повышается» (Созник 1989, с. 9—10). Хотелось бы ознакомиться с методикой, позволяющей выявить в слое в 0,15 м несколько уровней земляных полов первого, а затем и второго строительных периодов, спустя 10 лет после завершения раскопок;

в) керамического материала? В таком случае, где он? В отчетах В.В. Созник массового керамического материала, характерного для I в., не отмечено.

2. Откуда автор знает о «повышении поверхности» на 1,20 м с внешней стороны круглого помещения, если раскопки до материка проведены только внутри самого помещения?

В основной части работы автор подробно рассматривает керамический материал, оперируя большим библиографическим аппаратом и проводя широкие аналогии. Приведены описания глины, форм, предварительные итоги химического анализа отдельных сосудов (к сожалению, без конкретных данных, что, собственно, обесценивает работу), более того, предложена собственная типология. По поводу последней позволим высказать свое мнение, касающееся методической стороны работы.

Тип в керамике — это сочетание типобразующих качественных признаков, поэтому выделять тип по одному венчику и тем более дну — ошибочно. Это тот случай, который можно охарактеризовать как «типология без типов». Для нас не представляется возможной дальнейшая работа с амфорой типа 19, краснолаковой тарелкой типа 9, кружальными горшками типов 4 и 5, лепным горшком типа 2, кувшином типа 3 (а впрочем, кувшин ли это?), краснолаковым кувшином типа 8, который, к тому же, не сопровождается рисунком.

Создавать типологию по результатам исследований материала из одного помещения одной сельской усадьбы хоры Херсонеса, с нашей точки зрения, не совсем правильно. Автор представляет в работе 339 фрагментов керамики, каждый из которых, как можно понять из текста, подразумевает отдельную керамическую форму. Уверены, что в данном случае необходимо было выделить основной и «посторонний» материалы (extranea). Последний мог лежать на полу, попасть извне или принадлежать более раннему времени. Тем не менее, Е.Ю. Кленина выделила первый строительный период. На наш взгляд, не стоит определять данный керамический комплекс как замкнутый. Это понятие подразумевает «совокупность артефактов, связанных совместным нахождением и обстоятельствами, с непреклонностью говорящими о совместном участии этих артефактов в событии, которое привело к их отложению. Это соучастие и одновременность упокоения должны быть гарантированы обстоятельствами залегания и условиями обнаружения» (Клейн 1991, с. 375). Отчеты о раскопках показывают, что образовавшийся слой разрушения после гибели помещения был открыт для внешней, более поздней, интервенции. Обращает внимание на то, что исходя из версии Е.Ю. Клениной о существовании двух строительных периодов, во II из них «...полы внутри помещения остались на прежней высоте» (с. 17), т. е. это означает, что материал в напластованиях, образовавшихся в результате жизнедеятельности в I строительный период, остался нетронутым. А поскольку автор не выявила конкретную границу между уровнями «полов» I и II строительных периодов, то в данном случае выходит, что в общую характеристику керамического материала вошли и фрагменты более раннего времени. Не лучше ли в таком случае характеризовать керамику в форме каталогов: основного, куда входят керамические формы, поддающиеся реконструкции путем склеивания и бытующие в момент разрушения постройки, а также дополнительного, включающего «посторонний» материал, классифицирующийся хронологически или по месту нахождения.

Приступая к рассмотрению основной части работы, отметим, что автор, к сожалению, не заметила таких итоговых разработок по керамике отечественных исследователей, как:

Внуков С.Ю. *Причерноморские амфоры I в. до н. э. — II в. н. э. (Морфология)*. — М., 2003;

Власов В.П. *Лепная керамика позднескифского Булганакского городища // Бахчисарайский историко-археологический сборник*. — Симферополь, 1997. — Вып. 1;

Zhuravlev D.V. *Terra Sigillata and Red Slip Pottery in the North Pontic Region (a short bibliographical survey) // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. 2002. — Vol. 8. — № 3—4 и др.

Проанализируем некоторые моменты рецензируемой работы.

С. 29—30. Амфоры, тип 1. Хотелось бы знать, на основании каких современных исследований автор совмещает широкогорлые амфоры Син II (Внуков 2003, с. 133—134), известные в литературе как амфоры «с желобком под венчиком», производившиеся в Синопе и розовоглиняные амфоры типа 84 (Зеест 1960, с. 116), одним из центров производства которых был Нимфей на Боспоре, где в 1999 г. были найдены печи и керамический брак (Соколова 2001, с. 143). Амфоры типа Зеест 84 имеют более крупные размеры, а глина не содержит пироксена, типичного для амфор Син II и упоминаемого автором в характеристике глины. В принципе, ножка № 26, хотя и отбитая, может принадлежать Син II. Судя по описанной глине и форме венчика фрагменты № 24 и 25 могут принадлежать амфорам Син I (Внуков 1993, с. 204—205), датирующимся эллинистическим периодом.

С. 37. Е.Ю. Кленина утверждает: «Таким образом амфорный материал, представленный в комплексе, показал, что основным поставщиком вина и salsamenta для жителей усадьбы «Близнецы» в округе Херсонеса Таврического являлось Боспорское государство». Мы придерживаемся мнения, что все внешнеэкономические связи сельской округи осуществлялись через рынок города. Непосредственный контакт жителей усадеб с целью приобретения продуктов мог быть только с местными варварами. Хотя основные связи с варварским миром шли также через херсонесский рынок (Ковалевская 2001, с. 60).

Далее читаем: «Надписи красной краской на светлоглиняных узкогорлых амфорах, свидетельствуют, что в них транспортировали гераклейское вино». Дипинти на светлоглиняных амфорах указывают на то, что перевозили в них не только гераклейское вино, но и оливки, оливковое масло, зерно, финики, краску и даже нефть (Беттгер, Шелов 1998, с. 88—90).

Также нельзя согласиться с расчетными данными автора относительно расположения

мест производства, которые констатируются как факт, хотя по тексту и даже в таблицах воспринимаются как предположения.

С. 45. Краснолаковые тарелки, тип 1. Е.Ю. Кленина утверждает: «Эта форма тарелок является имитацией terra sigillata формы Drag. 36, производившихся в мастерских западной части Римской империи». Тем самым автор совершенно игнорирует античные города Малой Азии, с которыми у Херсонеса с эллинистического периода существовали очень тесные политические, культурные и торговые связи. Такие формы сосудов малоазийских центров известны на Боспоре с начала нашей эры (Книпович — *тун* 22 (М); Силантьева — *тун* 46) (Книпович 1952, с. 149—156; Силантьева 1958, с. 283—311). Мы склонны считать, что с I в. н. э. во многих группах керамики малоазийских центров прослеживаются черты влияния керамики Италии при сохранении собственных характерных форм. Это касается Херсонеса, где и производились тарелки типа 1. Западной сигилляты здесь очень мало, т. е. непосредственного контакта практически не было, поэтому в Херсонесе, где собственное производство было налажено не раньше II в. (Журавлев 2001, с. 61), имитировали уже готовые малоазийские образцы.

Автор относит фрагмент дна на кольцевом поддоне с изображением ступни к типу 1, а например, не к типу 3. На наш взгляд, именно на тарелках такого типа в Северном Причерноморье эти клейма чаще всего и встречаются (Труфанов 1997, с. 181—192). Далее представлен фрагмент нехерсонесского производства — скорее всего, одного из малоазийских центров. А как известно, клейменные сосуды позднее первой половины II в. не встречаются. Отсюда датировка фрагмента. В таком случае снова вопрос: зачем автор включает в представленный комплекс II строительного периода находку, относящуюся к I периоду, ею же выделенному? Может, ответ кроется в указанной локализации: «каменный завал, 2 слой», но на с. 17 в описании стратиграфии слой 2 не выделен!?

Также мы не согласны с отнесением к данному типу сосудов № 127 и № 128. Судя по диаметру, это могут быть чаши на высокой ножке (Зубарь 1982, с. 66—67).

Непонятно, почему автор дважды, в самом начале и в конце, упоминает Дакию и Нижнюю Мезию, ссылаясь при этом на Б. Султова, работа которого в библиографии отсутствует.

На основе предлагаемого автором анализа нам так и не удалось обнаружить сосуда херсонесского производства: на рис. 12 и 13 нет ни одной тарелки с упомянутыми в тексте насечками.

С. 60—61. Из хаотичных авторских выводов о краснолаковой керамике попробуем сформулировать основные положения. Е.Ю. Кленина сначала утверждает: «Подавляющее большин-

ство типов всех групп краснолаковой посуды относится к Pontic Sigillata. Место производства этой группы Sigillata до настоящего времени является предметом дискуссии». Далее автор пытается выяснить эти места производства: «Последние химико-физические исследования дали возможность определить некоторые группы (Л. К.) местной краснолаковой керамики, в которые вошли некоторые типы тарелок, мисок, чашек (Л. К.). Благодаря этим исследованиям удалось выделить два типа (Л. К.) тарелок, являющихся имитациями мастерских Чандарли в Северном Причерноморье. Они полностью повторяют формы, цвет глины и лака. Нам не удалось определить из-за недостатка данных место их производства». Но тут же далее уверенно: «По нашим подсчетам, 89—90 % краснолаковой посуды, найденной в круглом помещении, было произведено в Херсонесе и его округе или в Северном Причерноморье».

С. 68. Вызывает недоумение отнесение простой столовой керамики к Pontic Sigillata. К тому же, хотелось бы убедиться в существовании хотя бы одной мастерской по производству столовой керамики римского времени в Юго-Западном Крыму.

С. 72. Добавим по поводу лепных светильников типа 1. В Северном Причерноморье подобные изделия впервые появляются в V в. до н. э. и особенно много таких курильниц выявлено на позднескифских памятниках Крыма. Неизвестно, что хотела сказать автор, проводя аналогии с лепными светильниками из римского военного лагеря Нове (неопубликованные материалы), которые, если и найдены там, вполне могут быть продукцией местных племен. Лепные изделия подобного типа распространились в II—IV вв. н. э. среди гето-дакской керамики, предположительно, под влиянием сарматских племен (Bichir 1984, s. 31).

Кроме того, нельзя не согласиться, что местом производства этих светильников был Херсонес (см. Приложение), так как подобные примитивные изделия, безусловно, могли вылепить на месте.

С. 77. Подводя итоги, Е.Ю. Кленина пишет: «Таким образом, кружальная кухонная керамика из круглого помещения, представленная горшками и кастрюлями, происходит из керамического центра в бассейне Эгейского моря. Импортная кружальная посуда составила 47 % от общего числа кухонной керамики, представленной в комплексе (приложение 1)». «Неопределенного места производства кружальные сосуды составили 13 % общего количества кухонной посуды в комплексе». Сравним процентное соотношение в Приложении 1: импортная керамика (Эгейское море и Северное Причерноморье) составила 52,4, неопределенного места производства — 7,7 %!?

С. 81. Автор не указывает источников, на основании которых она относит лепные кастрюли

типа 1 с ручками-«ушками» к «гето-фракийскому типу посуды». Действительно, круг распространения сосудов с «ручками-ушками» чрезвычайно широк, как и их хронологический диапазон. Подобные изделия встречаются в Херсонесе и его округе в первых веках, а также характерны и для позднеантичного времени. Их появление, скорее всего, связано с позднескифской культурой (Каспанаян 1981, с. 63—69; Дашевская 1991, с. 32).

Мы не согласны с утверждением, что производство лепных кастрюль типа 1 специально «было налажено в Херсонесе, Неаполе Скифском, Илурате, Тиритаке, Танаисе».

С. 82. Приведем цитату: «Низкий процент наличия кухонной лепной керамики и качество ее изготовления, по нашему мнению, свидетельствует о незначительном количестве варварского населения среди жителей этой сельской усадьбы и ее эллинизации». Подобные выводы делаются на основании исследования всего лишь одного помещения, связь которого с усадьбой не определена.

На наш взгляд, авторские аналогии выглядят весьма хаотично. Так, методически не оправдан поиск аналогий среди материалов военного характера при анализе обычной гражданской постройки. Например, на с. 84 Е.Ю. Кленина объясняет наличие в круглом сооружении столовой посуды мастерских Дакии и Нижней Мезии «присутствием римских легионеров из Нове (Нижняя Мезия...) на территории современной Балаклавы». А вот появление «миски-сковороды» типа 1 автор связывает «с римским военным присутствием» (с. 80), хотя сковороды аналогичной формы бытовали как в раннескифское время, так и в хозяйстве поздних скифов (Власов 1997, с. 233—234). Кроме того, необходим более продуманный подход к проведению аналогий с отдаленными от Херсонеса регионами, а также скрупулезная проверка фактов. Так, в случае с лепными кастрюлями типа 3 автор отсылает исключительно к материалам Береники (с. 82). А выделяя типы 12 и 13 среди узкогорлых светлоглиняных амфор (с. 32—34), которые соответствуют типам С и D (Шелов 1978, с. 18—19), Е.Ю. Кленина проводит параллели с типами 28 и 29 типологии П. Дычка (Dyczek 1999, s. 174—192) и типом XIX — Л. Белаяц (Bjelajac 1996, p. 654—667, fig. XXII). Дело в том, что под типом XIX Л. Белаяц подразумевает все типы узкогорлых светлоглиняных амфор от А до F (по Шелову), время распространения которых охватывает почти пять веков, а на приведенных рисунках в основном указаны типы А и В, о распространении которых и следует говорить. Об этих типах А и В идет речь и в приведенном каталоге П. Дычка, ссылка на работу которого также отсутствует в библиографии.

С. 83. В заключении автор легко делит круглые постройки римского и ранневизантийского

периодов в округе Херсонеса на две категории. Сразу заметим: круглое помещение на территории участка № 12 автор относит к ранневизантийскому периоду, ссылаясь на Г.М. Николаенко, которая констатирует: «Датирующего материала нет» (Николаенко 2001, с. 16—17). Далее уточним, что круглых построек на Гераклейском полуострове не «несколько», а около 15. Создавая типологию, нельзя подходить к материалу выборочно — необходимо учитывать все сооружения подобного типа. Только в таком случае будет очевидно, что некоторые сооружения круглой формы ранневизантийского времени связаны с усадьбами (например, № 340, 172 и др.).

Далее Е.Ю. Кленина предполагает: «Круглые постройки второй группы являлись, возможно, погребально-поминальными сооружениями в округе Херсонеса. Аналогичные сооружения известны на некрополе (Л.К.) Илурата II—III вв. (Л.К.)». Возникает вопрос: кого погребали и кто поминал? Известно ли автору, что в ранневизантийское время хора Херсонеса пустовала? Так, в окружении круглого сооружения участка № 25 на площади приблизительно 400 га не зафиксировано ни одной жилой усадьбы. Из 11 усадеб, функционировавших в античное время, в ранневизантийский период не было ни одной жилой (Николаенко 2001, с. 19—24, 56—58, 64—66). Эти сведения верны, так как усадьбы участков № 25, 26, 100, 128 исследованы. На наш взгляд, круглые сооружения V—VII вв. в округе Херсонеса были жилыми, а их обитатели занимались скотоводством.

Пользуясь случаем, ответим на критику нашей классификации (Ковалевская 1999, с. 49—53). Судя по всему, автор не видела в натуре круглой постройки участка № 310, по нашему мнению, аналогичной круглому сооружению на усадьбе «Близнецы», а обращается к описаниям Г.М. Николаенко (Николаенко 2001, с. 118), которая, в свою очередь, представляя этот чертеж, берет его из архива исследователя 1930-х гг. Н. Янышева. Заметим, что приведенного Г.М. Николаенко архивного дела под № 21487 в Архиве Национального заповедника «Херсонес Таврический» никогда не было, а в доступном архивном деле Н. Янышева описывается только круглое сооружение, без упоминания, что оно «вписано» в квадрат размером 12 × 12 м (Янышев 1932, с. 35). То же можно сказать и о прилагаемых черновиках чертежей с планом данного сооружения (Янышев 1934).

«Круглые сооружения, вписанные в квадратную башню», на наш взгляд, являются разновременными строениями. Впрочем, если Е.Ю. Кленина о них упоминает, то это уже третий тип круглых построек в ее типологии.

На с. 72 Е.Ю. Клена утверждает, что тип 2 кружальных светильников «представляет собой особый вид культовых светильников, использовавшихся в святилищах Посейдона или Деметры и Коры». И далее на с. 84 предполагает «что круглое помещение в тот период (Л. К.) могло использоваться в качестве домашнего святилища Деметры и Коры, на что косвенно указывают культовые светильники Palaimonion типа». Из приведенного текста следует: светильники типа 2 находились в круглом помещении первого периода I—II вв. н. э., а следовательно, и датируются этим временем, а значит, не могут входить в представленный комплекс, который автор относит к концу II — середине III вв. н. э.

Хотелось бы добавить, что светильники указанного типа не так уж и редко встречаются в слоях римского времени Херсонеса и его округа (Рыжов 1986, с. 130—138.; Золотарев, Коробков, Ушаков 1997, с. 69, рис. 10, 61; Сорочан 1999, с. 106—107, рис. 1; Нессель 2004, с. 95, 96), но ни разу их не связывали с культовыми сооружениями.

А домашнее святилище, возможно, и существовало, но об этом свидетельствует другая находка в каменном завале круглой постройки, о которой почему-то не упоминает автор, — фрагмент вотивной мраморной плитки с надписью (Созник 1988, с. 10). Автор также не находит нужным представить монету Юлии Домны 212—217 гг. (Созник 1988, с. 7), обнаруженную вне круглого помещения, но которая, по мнению В. Созник, могла принадлежать времени разрушения башни. При этом Е.Ю. Клена упоминает светильник № 230, фрагмент рельефного флякона (а может, маски?) № 153, также обнаруженные вне круглого помещения, а на с. 85 подробно перечисляет все прочие находки, даже неизвестно откуда взявшуюся «деревянную шкатулку». В этом случае принцип селекции материала нам не понятен.

У нас есть несколько замечаний, касающихся и редакционной стороны рецензируемой книги. Одни и те же сосуды изображены на рис. 22 и 23. Лепной светильник № 237, согласно отчетам В. Созник, найден вне круглого помещения. Блюдо № 161 на рис. 17 перевернуто, на с. 35 дважды повторяется № 27, нет чертежей, флякона № 208, кувшинов — № 209—212, на с. 25, 29, 34, 35, 100, 108, 109 (создается впечатление, что автор не относит Горгиппию и Танаис к городам Боспора). Приложение, призванное облегчить восприятие материала, из-за отсутствия легенд-подписей, на наш взгляд, его только усложняет: не сразу понимаешь, к чему относятся графики, цифры и квадратики под ними, а когда разберешься — отличить оттенки в них практически невозможно. В сносках, особенно иностранных, много ошибок. Было бы хорошо представить фасировку стены и стратиграфию не фотографиями,

а рисунками. Почему-то сечение амфор и столовой керамики расположено слева, а кухни — справа. Тексты на польском и английском языках иногда отличаются представленной датировкой (с. 102 и 111 — светильники типа 1; с. 99 и 108 — краснолаковые тарелки, тип 1); идентичные формы отнесены в одном случае к производству Чандарли, в другом — неизвестных центров (с. 100 и 109 — краснолаковые тарелки, тип 7); изделия отличаются указанными центрами распространения (с. 99 и 107 — амфоры, тип 11).

К сожалению, Е.Ю. Клена, описывая керамический комплекс, не обратила внимания на несколько сосудов с признаками производственного брака, факт которого трудно переоценить. В Херсонесе эллинистического и ранневизантийского времени было развито гончарное производство, о чем свидетельствуют находки гончарных печей (Борисова 1982, с. 146). А вот гончарные печи римского периода тут до сих пор не обнаружены, но бракованные изделия этого времени известны (Золотарев, Коробков, Ушаков 1997, с. 180). Наличие таковых в округе Херсонеса может свидетельствовать о существовании керамического производства и в селе, как это было в VIII — IX вв. (Рыжова 1982, с. 149—156).

Мы убеждены в необходимости доисследования раскрытой в 1988—1990 гг. площади археологического памятника «Близнецы», что позволило бы уточнить функциональное назначение двух круглых сооружений, выяснить, существует ли связь этих строений с самой усадьбой и, конечно, обогатить керамический комплекс дополнительными формами.

Наконец, обращаемся к коллегам-археологам.

Три года, с 1988 по 1990 г. раскопками участка с круглым помещением на «Близнецах» руководила В.В. Созник, после завершения которых она продолжала обрабатывать керамический материал, планировала публикации и доисследования усадьбы. Осенью 1996 г. работа и планы оборвались вместе с жизнью. Валерия и ее муж трагически погибли. В.В. Созник было всего 35 лет. Но остались отчеты, записи, горы склеенной керамики и еще ... навсегда заброшенная усадьба «Близнецы».

Автор книги выдумала какую-то необычную форму упоминания фамилии соавтора — «при участии В. Созник» (может, так принято в Познани?). Предлагаем сокращенную форму сноски: (Клена, Созник 2004, с....).

В целом рецензируемая книга ясно свидетельствует о богатстве археологического материала раскопок на сельских усадьбах хоры Херсонеса. А обработка и публикация подобных комплексов археологических находок в будущем могут послужить основой для разработки обобщающей типологии керамического материала Северопричерноморского региона.

- Беттгер Б., Шелов Д.* Дипинти на амфорах из Танаиса. — М., 1998.
- Борисова В.В.* Гончарные мастерские Херсонеса // СА. — 1958, № 4. — С. 146.
- Власов В.П.* Лепная керамика позднескифского Булганакского городища // Бахчисарайский историко-археологический сборник. — Симферополь, 1997. — Вып. 1. — С. 204—303.
- Внуков С.Ю.* Новые типы позднесинопской амфорной тары // РА. — 1993. — № 3. — С. 204—213.
- Внуков С.Ю.* Причерноморские амфоры I в. до н. э. — II в. н. э. — М., 2003.
- Дашевская О.Д.* Поздние скифы в Крыму // САИ. — 1991. — Вып. Д1-7.
- Журавлев Д.В.* Краснолаковая керамика Херсонеса первых веков н. э. (предварительная информация) // Проблемы истории и археологии Украины: Материалы междунар. науч. конф. — Харьков, 2001. — С. 59—61.
- Зеест И.Б.* Керамическая тара Боспора // МИА. — 1960. — № 83.
- Золотарев М.И., Коробков Д.Ю., Ушаков С.В.* О принципах изучения античных водосборных цистерн. — Севастополь, 1997.
- Зубарь В.М.* Некрополь Херсонеса Таврического I—IV вв. н. э. — К., 1982.
- Кастанаян Е.Г.* Лепная керамика Боспорских городов. — Л., 1981.
- Клейн Л.С.* Археологическая типология. — Л., 1991.
- Ковалевская Л.А.* Типы построек римского времени в округе Херсонеса // Światowit. — 1999. — Т. 42. — С. 49—53.
- Ковалевская Л.А.* «Усадьба надела 106» в системе экономических связей Херсонеса в IV—II вв. до н. э. // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века: Материалы 9-й междунар. науч. конф. 25—30 мая 1998 г., Ростов-на-Дону. — Ростов н/Д, 2001. — С. 58—60.
- Книпович Т.Н.* Краснолаковая керамика первых веков н. э. из раскопок Боспорской экспедиции 1935—1940 гг. // МИА. — 1952. — № 25. — С. 289—326.
- Масленников А.А.* Эллинистическая хора на краю ойкумены. — М., 1998.
- Нессель В.А.* Светильники из храма Юпитера Долихена и военного поста на выс. Казацкая // Материалы 2-й Судак. междунар. конф. «Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре». — Киев; Судак, 2004. — С. 95—96.
- Николаенко Г.М.* Хора Херсонеса Таврического. — Севастополь, 2001.
- Николаенко Г.М.* Значение подводно-археологических изысканий в исследованиях Херсонеса и хоры // Подводная археология: сто лет исследований: Материалы междунар. конф. «К 100-летию подводной археологии». — М., 2002. — С. 4—14.
- Рыжов С.Г.* Керамический комплекс III—IV вв. н. э. из северо-восточного района Херсонеса // Античная культура Северного Причерноморья в первые века нашей эры. — К., 1986. — С. 130—138.
- Рыжова Л.А.* Гончарная печь VIII—IX вв. вблизи Херсонеса (в районе Радиогорки) // АДСВ: Византия и ее провинции. — 1982. — С. 149—156.
- Силантьева Л.Ф.* Краснолаковая керамика из раскопок Илурата // МИА. — 1958. — № 85. — С. 283—311.
- Соколова О.Ю.* О керамическом производстве в Нимфее // Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья. — Керчь, 2001. — С. 140—144.
- Созник В.В.* Отчет о раскопках усадьбы надела 31 в 1988 г. // Архив НЗХТ, д. 2984, 2985.
- Созник В.В.* Отчет о раскопках римского комплекса усадьбы надела 31 в Юхариной балке в 1989 г. (под названием «Близнецы»). // Архив НЗХТ, д. 2989, 2990.
- Созник В.В.* Отчет о раскопках римского комплекса усадьбы надела 31 в Юхариной балке под названием «Близнецы». 1990 г. // Архив НЗХТ, д. 2992, 2993.
- Созник В.В.* Керамический комплекс римской эпохи из раскопок на Гераклеяском полуострове // Тез. докл. междунар. конф. «Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и в средние века». — Ростов н/Д, 1996. — С. 117—119.
- Сорочан С.Б.* Светильники и свеча в ранней Византии или две эпохи осветительных приборов // Древности 1997—1998. — Харьков, 1999. — С. 101—114.
- Труфанов А.А.* Типология краснолаковых тарелок с вертикальным бортиком (по материалам могильников Юго-Западного и Центрального Крыма) // Бахчисарайский историко-археологический сборник. — Симферополь, 1997. — С. 181—192.
- Шелов Д.Б.* Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры: Классификация и хронология // КСИА. — 1978. — Вып. 156. — С. 16—21.
- Янышев Н.* Краткое описание древних сооружений, находящихся на Гераклеяском полуострове. 1932 год. Архив НЗХТ, д. 476.
- Янышев Н.* Краткий путеводитель (рукопись) по древностям Гераклеяского полуострова, 1934 год // Архив НЗХТ, д. 483.
- Vjelajac L.* Amfore Gornjo Mezijskog Podunavlja. — Beograd, 1996.
- Vichir Gh.* Geto—Dacii din Muntenia în epoca romană. — București, 1984.
- Dyczek P.* Amfory rzymskie z obszaru dolnego Dunaju. — Warszawa, 1999.
- Zhuravlev D.V.* Terra Sigillata and Red Slip Pottery in the North Pontic Region (a short bibliographical survey) // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. — 2002. — Vol. 8, № 3/4. — S. 237—309.

Одержано 11.06.2005